

©2023 О.Д. АГАПОВ, И.О. АГАПОВ

НОМО АCADEMICUS КАК СУБЪЕКТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Агапов Олег Дмитриевич — доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-политических дисциплин юридического факультета.

Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязева.
Российская Федерация, 420111 Казань, ул. Московская, д. 42.
ORCID: 0000-0001-6352-8505
ag.oleg2015@yandex.ru

Агапов Игорь Олегович — студент магистратуры отделения философии и религиоведения института социально-философских наук и массовых коммуникаций.

Казанский (Приволжский) федеральный университет.
Российская Федерация, 420111 Казань, ул. Кремлевская, д. 35.
newpost125@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос о возможности ответственности науки/ученых за возникновение, развитие, достижения и провалы мир-системы модерна. На взгляд авторов, тему и проблематику ответственности науки/ученых, или коллективного субъекта *homo academicus*, в современной социальной философии и философии науки возможно системно раскрыть в контексте исследования их деятельности как личностной социально-антропологической практики, связанной с производством социального. Авторы исходят из идеи Э. Левинаса о том, что любая субъектность априори выступает формой ответственности, а также используют позицию «конца этики» Дж. КапUTO, которую описывают

как методологическую стратегию открытой ответственности, где структура и содержание ответственности всегда потенциально подлежат пересмотру. Человек академический — один из субъектов современности, имеющий непосредственное отношение к производству социального. Ученые в качестве экспертов, генераторов идей, консультантов, кафедральных профессоров и т.д. причастны и ответственны (наряду с другими субъектами модерна) за процессы производства образов человека (человек экономический, политический, социологический, религиозный и т.д.), причем они сами выполняют свои роли в рамках одного из образов — *homo academicus*. В целом в XX–XXI веках социально-гуманитарные науки прошли путь от универсального разума М. Вебера к методологии с ограниченной ответственностью В. Розина. Исследуя экзистенциальную сущность процесса научной деятельности, авторы приходят к выводу о том, что социально-гуманитарное познание стремится не только удостоверить социальное бытие, обнаружить его проблемы, но и утвердить веру и надежду человека на лучшее бытие, где есть место истине и ценностям свободы, ответственности, дружбы, справедливости, творчества.

Ключевые слова: антропологический подход, антропомодели, антропопрактики «заботы о себе», социальная ответственность, практики ответственности, интеллектуалы, моральная ответственность, социальная философия, этика в гуманитарных науках, *homo academicus*.

Ссылка для цитирования: Агапов О.Д., Агапов И.О. *Homo academicus* как субъект ответственности // Человек. 2023. Т. 34, № 3. С. 60–72. DOI: 10.31857/S023620070026103-0

О.Д. Агапов,
И.О. Агапов
*Homo
academicus
как субъект
ответственности*

Что общего между различными субъектами современности? На наш взгляд, одной из точек «сборки» выступает университет. В известной мере мы все, по П. Бурдье, — *homo academicus*. Действительно доступ к профессиональной форме деятельности дается через университетскую подготовку. Студенты вовлекаются в процесс производства, распределения и потребления научного знания, проходя множественные уровни общекультурного и профессионального развития, в ходе которого обогащаются компетенциями научного познания, расширяя мировоззренческие горизонты, обретая возможность системно и сущностно воспринимать тенденции современности, творчески и ответственно относиться к ним. Помимо академической карьеры выпускники *homo academicus* становятся управленцами, государственными служащими, бизнесменами, военными, политическими деятелями и т.д., но у всех них в рамках вузовского образования формируется габитус рациональности — методология подхода к себе, природной и социальной реальности.

Вместе с освоением общей академической культуры обучающиеся входят одновременно в мир дисциплинарной научной социализации, а также в сферу производства социальности / производства мир-системы модерна. Мир научных дисциплин выступает *пропуском* и *периодом* инициации в профессионально ранжированное дисциплинарное общество. Система правовых, политических, экономических и социокультурных институтов и система образования коррелируют друг с другом. Д. Узланер пишет о том, что «такая когерентность — залог “эпистемологического оптимизма”, нашей уверенности в том, что научные исследования дают надежные и достоверные сведения об окружающей действительности» (курсив наш. — О.А., И.А.) [Узланер, 2020: 416].

Университеты и государства Западной Европы в Новое и Новейшее время стали единым субъектом производства социальной и символической власти. Образование и культура с опорой на силы государства выступили агентами интеграции социального, а государственная бюрократия взяла на вооружение достижения социальных ученых. Иными словами, социальные и образовательные институты образовали в единстве *стратегию социодеции*, производящую определенный тип легитимного господства и капитала. Например, экономическая теория с XVIII века не только стала весьма развитой в теоретико-методологическом плане сферой социально-гуманитарных наук, но и, как отмечает К. Лаваль, задала новый образ человеческого рода, его общественных отношений. «Человек экономический принадлежит не только экономике», он «существует во всех областях рефлексии, определяющей тип человека» общественных отношений, «новый нормативный режим и даже особенный тип человека — *homo economicus*» [Лаваль, 2020: 352]. Помимо *homo economicus* социально-гуманитарные науки произвели образы человека социологического (Р. Дарендорф), политического (П. Манан), психологического (Ф. Рифф), религиозного (М. Элиаде) и т.д.

Признавая в субъекте двойную связку *homo academicus* / *homo economicus*, мы тем самым не только признаем социокультурную природу социально-гуманитарного познания, но и обретаем возможность продвинуться в понимании проблематики производства социального к теме ответственности социогуманитарных наук в становлении современности, к вопросам поиска альтернатив, ведущих к устойчивому развитию в XXI веке.

Если обратиться к первому вопросу — производству социального, то мы увидим, что на протяжении конца XVIII – начала XX века процесс «пересборки» традиционных или внедрения новых инновационных социальных институтов и структур был прямо или опосредованно связан с формированием спектра

социальных наук: экономики, антропологии, социологии, политологии, истории, религиоведения, культурологии и т.д. Созданные в эпоху модерна концепты, институты, модели социальности стали каноном для дальнейшего развития, модернизации иных незападных социальных жизненных миров. Истоком многих процессов XVIII–XX веков выступали идеи эмансипации, практики разрешения прежних форм социальной несправедливости.

Поэтому сегодня в рамках *рефлексивной модерности* важно рассмотреть эпоху модерна (XIX–XX века) как время состоявшихся и несостоявшихся проектов, идей, ценностей, практик. На наш взгляд, время становления социального было не только чередой утрат, руин, следов (по Ж. Бодрийяру и Ж. Деррида), но и периодом значительного обогащения и расширения социально-антропологических практик.

Благодаря методологической стратегии постмодернизма рефлексии исторического опыта модерна осуществляют современные социально-гуманитарные науки, занимающие метапозицию по отношению к исторической динамике человеческого рода в XVIII–XX веках. Для самих социально-гуманитарных дисциплин это важный опыт реконструкции собственного становления и пересмотра явных и неявных установок относительно собственной гуманитарной миссии, объяснительных возможностей парадигм и т.д. Вероятно, это будет опыт не только Великого отказа (по Я.В. Мюллеру) в духе 1968 года, но и опыт обновления и обретения новых смыслов и значений, способных дать идеи для снижения рисков современности.

Если *homo academicus* — это один из субъектов современности, то в какой мере он несет (способен и готов нести) ответственность за состояние дел в современности? Не выступает ли человек академический ложным и сконструированным в сознании П. Бурдьё псевдосубъектом? Насколько вообще можно говорить о политической, экономической или социокультурной субъектности и ответственности, степени влияния на процессы принятия решений политического класса и общественное сознание, уровнях управления и реального контроля ученых за противоречия (срывы, травмы, конфликты) эпохи модерна? Если да, то в какой мере? Что *homo academicus* может сделать в изменении стратегий модерна?

Полагаем, что современная наука выступает как социальный институт (со своим этосом, субъектностью, дискурсом и формой культуры), имеющий распределенный или сетевой характер, включающий в себя не только университеты и академии, но и многочисленные научно-исследовательские государственные и частные лаборатории, «фабрики мышления», экспертные научно-консультативные советы при институтах власти, бизнеса, гражданского

О.Д. Агапов,
И.О. Агапов
*Homo
academicus
как субъект
ответственности*

общества, научные интернет-сообщества, научно-исследовательские ассоциации и союзы и т.д.

На протяжении XIX–XX веков ученые неоднократно демонстрировали свою личную и коллективную субъектность и ответственность. Однако следует прислушаться к позиции И.Т. Касавина, который, отмечая важность науки в архитектуре социальных отношений современности, все же пишет о том, что «наука в целом не является целостным, властным, а потому и политическим субъектом вообще, не представляет собой скоординированной системы коммуникации и субординации. Лишь отдельные и достаточно влиятельные элементы науки могут претендовать на политические роли» [Касавин, 2020: 12].

Вместе с тем мы полагаем, что *homo academicus* причастен к формированию *институтов онтологической ответственности* (ИОО), или «признанных, наделенных полнотой символической (политической, экономической) власти институций, поддерживающих канонический образ реальности» [Левицкий, 2020: 40]. В социально-философской концепции В. Левицкого основная роль представителей ИОО — а это сегодня университеты и аналитические центры — заключается в «осуществлении, сбережении, распространении и трансляции центральных культурных практик сообщества, выступающих, с одной стороны, резервуаром для хранения канонических образцов социальной реальности, с другой — ритуальным и архетипическим центром ценностно-смыслового универсума определенной культуры» [там же: 39]. Развивая тему ответственности человека академического за онтологический образ мира, следует поставить вопрос об эпистемологическом, социально-антропологическом и аксиологическом типах ответственности академического сообщества.

Наука стала «корневым» социальным институтом эпохи модерна, перехватив инициативу от церкви как центральной институции для Средневековья. За XX–XXI века современный разум в порядке ответственной саморефлексии прошел, как минимум, три этапа в своем развитии, что нашло отражение в смене дискурсов социально-гуманитарного познания. В частности, ведущим для XIX — начала XX века был дискурс универсальной рациональности (О. Конт — М. Вебер), преодоленный дискурсами плюралистической рациональности (М. Фуко) и конструктивистской рациональности (Ю. Хабермас). Каждый из них предполагал определенный цивилизационный проект. В частности, первый отличается верой в универсальный статус современного разума, где западный вариант исторического развития выступает как эталон. Однако уже во второй половине XX века осознается плюральность рациональностей человеческого бытия, что ведет к делигитимизации

модернистского канона. Дискурс Ю. Хабермаса исходит из коммуникационной рациональности, что дает возможность для обоснования альтернативных проектов глобального развития [Левицкий, 2022: 37].

Можно утверждать, что *homo academicus* как субъект модерна шел, согласно В. Розину, по пути от жесткой универсальной научной рациональности к методологии с *ограниченной ответственностью* (с рефлексией и коррекцией парадигм мышления, с конституированием новых форм мышления посредством проблематизации, планирования, программирования, проектирования, конфигурирования, построения диспозитивов и др.). В отличие от прежней претендующей на универсализм методологии «высокого авторитарного модерна», указанная методологическая стратегия не позволяет его сторонникам «полностью определять человеческое бытие и жизнь, понимая, что это невозможно». Специфика философов и социогуманитариев постмодернистского стиля мышления задается такими интенциями, «как критическое и позитивное осмысление сложившейся практики мышления, понятийная проработка мыслительного материала, проектирование новых структур мыслительной деятельности, обсуждение способов реализации этих проектов» [Розин, 2011: 218].

Все качества методологии с ограниченной ответственностью вполне применимы к дискурсу *рефлексивной современности* (Э. Гидденс), что позволяет говорить о том, что внутри *homo academicus* как коллективного субъекта идет напряженная дискуссия об основаниях и пределах проекта модерна, о дальнейших цивилизационных сценариях, об ответственности ученых за развитие человеческого рода в XXI веке.

Помимо участия в формировании научной картины мира ученые воплощают своей деятельностью еще личную, экзистенциальную ответственность, поскольку наряду с философией, религией, искусством наука в социально-антропологическом плане выступает одной из практик предстояния человека себе/миру/Богу, формой раскрытия человеком своих возможностей. Напомним, что восприятие науки как сферы антропологической практики в трактате «Стрела познания» развивал в 1980-е годы М.К. Мамардашвили [см.: Мамардашвили, 1997]. Сегодня его смелая интуиция о науке как бытийно-личном эксперименте дополнена исследованиями В.С. Степина, Л.А. Микешиной, А.П. Огурцова, И.Т. Касавина, Б.И. Пружинина, В.Н. Поруса и др. В практиках научно-исследовательской деятельности мы находим моменты антроподеции, социодеции, теодеции.

Важно понять, что ученый — это не только профессия (социальный статус и роль) и образ жизни, ученый — это форма

О.Д. Агапов,
И.О. Агапов
*Homo
academicus*
как субъект
ответственности

бытия человека в качестве личности, ученый — это *голос бытия*. Например, социально-гуманитарное познание выявляет смыслы и ценности, которыми живут люди. Смыслы воплощаются личностно и через личности, символизируя собой и в себе проблематичность и открытость человеческого бытия. Ценности как предмет социально-гуманитарных наук, открывающийся во взаимодополняющем междисциплинарном познании множества жизненных переживаний и впечатлений, интересов и идеалов, способны стать ориентиром для развития общества.

Научное познание наряду с религией, философией, искусством дает человеку — субъекту научно-исследовательской деятельности экзистенциальное осознание полноты жизни, ибо это форма *самостояния* человека, каждая из этих форм (наука, религия, философия, искусство) дарует новое качество и смыслы человеческому бытию.

Мышление — это всегда опыт трансценденции, опыт размышления и открытия множественной реальности. Ученый — тот, кто утверждает своим мышлением свободу и надежду; тот, кто посвящает или жертвует себя/собой ради открытия «зазора» между тем, «что есть», и тем, «что должно» быть, между истиной и заблуждением. Более того, в личностной практике ученого утверждается то, что может артикулироваться только *через него / благодаря ему*. Событие мышления, по Ю. Тишнеру, дает возможность выстроить, как минимум, «агатологический, аксиологический и онтологический фон сознания», а также раскрыть «пространство свободы и горизонт надежды» [Тишнер, 2005: 382].

Ответственность открывает субъекту познания, по Р. Ингардену — Э. Левинасу — Ю. Тишнеру, феномен свободы, поскольку субъект познания оказывается способен «довериться себе и своему существованию» [Ингарден, 2010: 64]. Ученый, понимая ценность предстоящего исследования, не только способен, но и должен продвигать его значимость (теоретическую, методологическую, практическую, партикулярную и универсальную), добиваться признания проблемности, эвристичности гипотез и т.д. В основе такой напористости лежит надежда на то, что коллеги «в отношении него поступят по справедливости», признают актуальность и теоретико-методологическую новизну, а также на то, что «само исследование освободит его от бремени, если можно так сказать, отрицательной ответственности» [там же: 91].

Все сказанное Р. Ингарденом о феномене ответственности может быть дополнено позицией Дж. Капуто об *открытой ответственности*, где на деятельность морального субъекта (а здесь — ученого) нет конкретного мандата, нет конечных и/или заранее данных групп людей, идеалов, идей и т.п., которые исчерпают

его понимание своей деятельности с точки зрения ответственности. Этот аспект привлекает современного теоретика тем, что учитывает опыт расширения этики в силу социальных изменений. Позиция Капуто также учитывает особую неформальную сторону моральной ответственности: если мы делаем только то, что формально должны (подобно известному методу забастовок), то жизнь обедняется и становится заметно, что моральное поведение подразумевает некоторый излишек в форме любви к делу, заботы о людях и т.п. [Caputo, 2000: 111–128]. Поэтому развитие научной деятельности ученого идет как расширяющаяся социально-антропологическая практика открытости, публичности, долженствования, предстояния и служения, готовности ответить перед Другим/Другими (гражданами-дилетантами, коллегами-учеными, налогоплательщиками, инженерами, социально ориентированными некоммерческими организациями, волонтерами и т.д.). Это формирует режим *публичной науки* (М. Буравой, А. Аргамакова, Ю. Резник).

Кроме того, формат открытой ответственности позволяет вывести общественное сознание эпохи на более рациональный уровень, вытеснив панику, истерику, ксенофобию, иные факторы «ложного сознания», как об этом писал в своей знаковой статье «Ответственность интеллектуалов» Н. Хомский. Он также особенно обращает внимание на вопрос об ответственности интеллектуалов, которые часто склонны давать максимально безоценочные суждения о совместимости позиций, за свою заявленную нейтральность [Chomsky, 1967]. Открытая ответственность помогает сохранить напряжение между позицией беспристрастности экспертов и пристрастной совестью интеллигенции.

Также режим открытой ответственности ученых выступает стратегией преодоления инерции готовых исторических канонов или схем мышления, строящих мысль исходя из частных интересов и углов зрения (некоторые из них описал Р. Рорти), линией выработки новых и адекватных человекосоразмерных моделей в политике, экономике, культуре, сферах повседневности. Осознание «критики» Рорти полезно тем, что позволяет сохранять дистанцию по отношению к своим представлениям, в которых могут быть элементы «истории духа», прогрессизма и других жанровых конструкций [Rorty, 1984: 56–61].

Тесную связь между субъектностью и ответственностью утверждал Э. Левинас, для которого субъект *уязвлен* ответственностью изначально, ибо вся конфигурация его бытия вызывает к определенной практике заботы. Более того, субъект «соткан из ответственностей, и они раздирают его сущность». Ответственность — это «недуг, не ведающий облегчения, жара сострадания», вне

О.Д. Агапов,
И.О. Агапов
Homo
academicus
как субъект
ответственности

Искусство ученого состоит в претворении как экзистенциальных, так и социально-исторических интенций в ясную

научно-исследовательскую программу, способную выступить как в личностной, так и в коллективной проекциях (программа научной школы, направления). Полагаем, что и в институционально-нормативном, и в личностно-экзистенциальном планах научная деятельность должна быть поступательным бытием ответственного субъекта (перед истиной, профессиональным сообществом, гражданскими институтами и т.д.). Все этапы научно-исследовательской деятельности ученого неотделимы от его осознанного выбора.

Таким образом, ответственность — это форма идентичности ученого, часть его личностно-профессионального этоса, выступающая истоком для понимания научной деятельности как формы духовной практики. Например, читая Р. Ингардена, мы открываем для себя ряд моментов для упражнения в заботе/ответственности об истине. Во-первых, иницируя и тем самым беря на себя ответственность, ученый «выказывает внутреннюю силу и стойкость» и принимает перед коллегами вид поручительства за ценность научной гипотезы. Он должен быть готов «проявлять большую гражданскую отвагу и мужество» для защиты «ценностей, за которые он воюет, или открыто признать свою вину, когда речь идет о добровольном принятии на себя последствий своего поступка». Во-вторых, ученый «должен уметь быстро схватывать положительные и отрицательные ценности, обладать чуткой совестью, чтобы ясно распознавать для себя самого возможную отрицательную ценность уже начатого и для него внешне ценностного действия». В-третьих, он должен «обладать силой, способной умирять собственные склонности или вожделения, противостоять искушению и соблазнам». Перечисленные качества «создают характер его личности» и выражаются в способах поведения и переживаниях, но не «дозволяют свести себя к этим переживаниям или с ними идентифицироваться» [Ингарден, 2010: 114].

Познавательная деятельность ученого — это всегда движение между виной и карой. Л.П. Карсавин был убежден, что каждый субъект истории стоит перед виной инициативы и карой, ибо «нежелание полноты есть неполнота» [Карсавин, 1993: 333]. Например, А.Ф. Лосев, разумеется, по социально-историческим причинам мог отказаться от публикации «Диалектики мифа», но не мог отказаться от этого ввиду открывшейся ему истины. Проявив мужество истины, он исполнил духовный призыв, избежал кары духовного обрушения.

Ю. Тишнер видел в каждом ответственном акте философского и научного познания обоснование *социального этоса*, где в единстве представлены три вопроса человеческого бытия: надежда, свобода, жертва. «Всякая социальная включенность является

О.Д. Агапов,
И.О. Агапов
Homo
academicus
как субъект
ответственности

включенностью во имя определенной надежды в рамках определенной свободы и применительно к готовности идти на жертву, которую следует принести» [Тишнер, 2005: 367].

Итак, экзистенциально-антропологический профиль науки фундирован самим положением человеческого рода в мире, а именно постоянным процессом превосхождения себя из наличного мира природы. Наука — одна из форм трансценденции, и для того, чтобы войти в эту форму, человеку необходимо приобрести личностную форму, позволяющую стать ему «разумной силой бытия» (Р. Ингарден), конституировать сознание и самосознание, приобрести профессиональные компетенции (объективность, методологичность и т.д.).

Исследуя экзистенциально-антропологическую сущность процесса научного познания, мы приходим к выводу о том, что социально-гуманитарное познание стремится не только удостоверить социальное бытие, обнаружить его проблемы, но и утвердить веру и надежду человека на лучшее бытие, где есть место истине и ценностям свободы, дружбы, справедливости, творчества. Применительно к динамике российского общества следует сказать, что сегодня социально-гуманитарные науки активно изучают сценарии развития в рамках различных политических, экономических и социокультурных коридоров возможностей с опорой на потенциал, инвестиции, резервы и ресурсы, имеющиеся сейчас у России.

Homo Academicus as a Bearer of Responsibility

Oleg D. Agapov

DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophical and Sociopolitical Disciplines, Faculty of Law.

Kazan Innovation University Named After V.G. Timiryasova.

42 Moskovskaya Str., Kazan 420111, Russian Federation.

ORCID: 0000-0001-6352-8505

ag.oleg2015@yandex.ru

Igor' O. Agapov

Master's Degree Student of the Division of Philosophy and Religion Studies, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications.

Kazan (Volga Region) Federal University.

35 Kremlevskaya Str., Kazan 420111, Russian Federation.

newpost125@yandex.ru

Abstract. The authors explore the problem of scientists' and scholars' responsibility for the emergence, development, achievements, and failures of the modern world-system. They hypothesize that this problem of homo academicus (understood as a collective subject) responsibility can be systematically researched in the context of scientists' and scholars'

activities as personal social and anthropological practices concerned with re-producing the social. This article follows E. Levinas's idea that every form of subjectivity a priori acts as a form of responsibility, while also using J. Caputo's concept of "the end of ethics", reframing it as a strategy of "open-ended responsibility" in which the structure and contents of responsibility always have the potential to be reconsidered. Homo academicus is one of the subjects of Modernity; it is intimately related to the production of the social. Scientists and scholars as experts, idea generators, consultants, tenured professors etc. take part in and are responsible (alongside other subjects of Modernity) for the production of images of the human being (homo economicus, politicus, religiosus etc.). They themselves act within one of those images — homo academicus. In general, since the beginning of the twentieth century the social sciences and the humanities have gone from the universal rationality of M. Weber to the idea of methodologies with limited responsibility of V. Rozin. Through our study of the existential nature of scientific activity, we come to the conclusion that scientific cognition does not just legitimize social being and point at its problems; it also establishes hope for a better way of being where there's a place for truth, values of freedom, responsibility, friendship, creativity.

Keywords: anthropological approach, anthropological models, anthropological practices of "the care of the self", social responsibility, practices of responsibility, intellectuals, moral responsibility, social philosophy, ethics in the humanities, homo academicus.

For citation: Agapov O.D., Agapov I.O. Homo Academicus as a Bearer of Responsibility // Chelovek. 2023. Vol. 34, N 3. P. 60–72. DOI: 10.31857/S023620070026103-0

Литература/References

- Ингарден Р. Книжечка о человеке / пер. с нем. Е.С. Твердисловой. М.: Изд-во Московского ун-та, 2010.
- Ingarden R. *Knizhechka o cheloveke* [Little Book on Man], transl. from Germ. by E.S. Tverdislova. Moscow: Moscow University Press, 2010.
- Касавин И.Т. Наука как политический субъект // Социол. исслед. 2020. № 7. С. 2–12.
- Kasavin I.T. *Nauka kak politicheskii sub'ekt* [Science as a Political Subject]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2020. N 7. P. 2–12.
- Карсавин Л.П. Философия истории. СПб.: АО «Комплект», 1993.
- Karsavin L.P. *Filosofiya istorii* [Philosophy of History]. St. Petersburg: АО "Komplekt" Publ., 1993.
- Лаваль К. Человек экономический: Эссе о происхождении неолиберализма / пер. с нем. С. Рындина. М.: Новое лит. обозрение, 2010.
- Laval' K. *Chelovek ekonomicheskii: Esse o proiskhozhdenii neoliberalizma* [The Economic Man: An Essay on the Origin of Neoliberalism], transl. from Germ. by S. Ryndin. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010.
- Левинас Э. Время и Другой / пер. с фр. А.В. Парибка. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998.

О.Д. Агапов,
И.О. Агапов
Homo
academicus
как субъект
ответственности

- 72